

Дома с собственными дворами здесь строили сами. Низкие ограды из красного кирпича пестрели вбитыми по верху стеклянными осколками. Некоторые жители не мудрствовали и просто сажали вдоль стен кактусы — те без всякого ухода, под солнцем и ветром, быстро разрастались в непроходимые колючие заросли.

Чэнь Сяньян орудовал небольшими ножницами, а в ведерке у его ног уже скопилась добрая гора тяжелых гроздьев спелого фиолетового винограда. Мальчик раздвигал широкие, с ладонь, зеленые листья и срезал гибкие лозы у самого основания, вкладывая в каждое движение ощутимое усилие. Что и говорить, работа оказалась не из легких.

Тун Хуайцин тоже не сидел без дела. Он бережно подставлял ладони под спелые кисти, пока Сяньян подрезал ветку, а потом аккуратно опускал виноград в ведро. Раньше ему никогда не приходилось собирать виноград, так что занятие казалось в новинку.

К ножницам он, разумеется, и близко не прикоснулся бы, но поддержать гроздь — так и быть, согласился. Налитые, упругие ягоды покрывал сизый налет; стоило наддорвать тонкую кожицу, как брызгал светло-фиолетовый сок. Соседка, седовласая бабушка Линь, сидела неподалеку и лущила арахис, время от времени бросая тугие круглые ядра на бамбуковое плетенное решето.

— Уходить будете — захватите соевого соуса с бобами, я позавчера наготовила, вкуснота неопишутая!

— Спасибо, бабушка Линь, — Сяньян утер с лба пот тыльной стороной руки. — Вот поставим вино, обязательно и вам принесем.

Солнце поднималось все выше, и на маленькой площадке верхнего этажа становилось припекающе жарко. Сяньян отложил ножницы:

— Хватит, пожалуй, нам пора возвращаться.

— Ой, да что ж вы совсем ничего не набрали! Наберите еще, нам всё равно не съесть...

Пластиковое ведро уже наполнилось до краев и выглядело внушительно тяжелым.

— Если не хватит, мы еще придем. Спасибо вам, бабушка Линь.

Старушка лучилась добротой, лицо ее изрезали глубокие морщинки:

— Ладно, ладно, неси тогда старшему брату. Кстати, Яньян, ты в каком классе-то учишься?

— В седьмом. А Ноно уже в третьем.

— Как время-то летит...

Большой желтый пес крутился возле гостей, всю виляя пыльным хвостом. Старушка вызвалась проводить их до самых ворот, но у самой калитки спохватилась:

— Ох, да я ж про бобы-то забыла!

Виноград был тяжелым, Сяньян держал ведро обеими руками, периодически перехватывая его повыше. Поэтому, когда старуха вынесла глубокую пиалу, доверху наполненную пахучим соевым соусом с бобами, Тун Хуайцин инстинктивно отступил на полшага.

— Бери, бери! С лепешкой или с лапшой смешаешь — пальчики оближешь, — старушка смотрела на него из-под дряблых век ясными, живыми глазами. — Какой пригожий мальчик, да только худой совсем. На, бери, поешь как следует!

Тун Хуайцин замер, не двигаясь с места. Сяньян рядом с ним смущенно заерзал, переступая с ноги на ногу. Его спутник был из тех барчуков, что даже крышку на бутылке с водой сами не откроют. Заставить его тащить через улицу миску соевого соуса с бобами — да об этом и думать смешно!

Старушка настойчиво протягивала посудину, а желтый пес снова подскочил к Хуайцину и уткнулся горячим мокрым носом прямо ему в голень.

— Бабушка Линь, — вмешался Сяньян. Он был малым воспитанным и симпатичным, его любила вся округа, так что заговорил он сразу с открытой, обаятельной улыбкой: — У брата Тунтуна руки болят. Я чуть позже забегу и заберу, ладно?

— Ой-ой, — старушка перевела взгляд на его кисти, висящие вдоль тела — белые, словно выточенные из холодной яшмы. — А что ж такое, ушибся? У меня есть отличный растирочный бальзам...

Тун Хуайцин опустил глаза, и не успели его ресницы вздрогнуть, как рядом возникла крепкая загорелая рука, дохнувшая легким запахом машинного масла. Чи Е без лишних слов забрал миску соевого соуса с бобами, а другой рукой легко подхватил ведро с виноградом прямо из рук Сяньяна.

Со своим жестким взглядом из-под сросшихся густых бровей с рассечкой и одинарными веками Чи Е, когда не выражал никаких эмоций, выглядел откровенно свирепо.

Коротко бросив слова благодарности, он даже не взглянул на Тун Хуайцина — просто развернулся и пошагал прочь.

Сяньян разрывался между передним и задним флангом:

— Брат, ты сегодня в мастерской не сильно занят?

А потом притормозил, поджидая отстающего Хуайцина:

— Брат Тунтун, осторожней, там яма!

Бедному двенадцатилетнему мальчишке пришлось несладко.

Во дворе их встретила Ноно, уже жующая виноград. Девчушку заперли дома на все утро, и теперь ее щеки были набиты ягодами, а рот не закрывался:

— Брат, а ты сходишь с нами после обеда на речку рыбок ловить?

Тун Хуайцин присел в тенечке и, подняв голову, столкнулся взглядом с Чи Е.

Тот сидел на корточках, бесстыдно широко расставив ноги и упершись локтями в колени. Во рту у него торчал сухой виноградный усик. Темные зрачки из-под коротких густых ресниц въедливо, не скрываясь, впились в Хуайцина.

Стену двора густо овивала жимолость, пышно цветущая ароматными бутонами. Тун Хуайцин перевел взгляд с мелких лепестков обратно на Чи Е и смерил его тяжелым, враждебным взглядом.

«Уставился, хрен комолый».

Хотя нет, ругаться про себя так — только себе же вредить.

Зеленый стебелек забавно торчал из уголка губ Чи Е. Тот небрежно залез рукой в ведро, выудил один из подрезанных усиков и предложил:

— Попробуешь?

Тун Хуайцин с ледяным безразличием отвернулся.

«Я тебе что, овца — траву жевать?»

— Сладкий. Пожуеть — во рту приятный вкус останется.

Тун Хуайцин оглянулся. Перед ним лежала крупная мозолистая ладонь с широкими суставами, а на ней — тонкий гибкий усик виноградной лозы.

Небо стояло высокое, чистое и прозрачное. Сяньян с Ноно уплетали виноград за обе щеки, не замечая витавшего в воздухе странного напряжения.

Чи Е поднялся, подошел к крану, обмыл закрученную веточку под струей воды, стряхнул капли и снова протянул ее. На его лице замерло спокойное, непроницаемое выражение.

Поколебавшись, Тун Хуайцин все же взял усик.

И отправил в рот.

... Кислятина! Вязкая, терпкая дрянь!

Изящное личико Хуайцина мгновенно скривилось. Зажав рот ладонью, он бросился к раковине, с отвращением выплюнул гадость и дважды тщательно прополоскал рот. Лишь после этого он гневно обернулся и беззвучно выдохнул: «Пёс смердящий».

Точно отомстить решил за то, что тот отказался тащить бобы!

До самого окончания обеда это ощущение вяжущей кислоты так и не прошло.

Впрочем, съел он все равно крохи. День выдался жаркий, и местные предпочитали обедать холодной домашней лапшой — упругой, гладкой, обильно политой густым соусом с мелко рубленным мясом, маринованной фасолью и перечной пастой. Выпиваешь такую бадью — и сыт на весь день.

Тун Хуайцин к такой еде привыкал с трудом. К тому же за утро он объелся винограда, так что лишь лениво поковырялся палочками в чашке.

Чи Е уговаривать его не стал. Он молча и споро убрал со стола:

— Мне во второй половине дня надо отлучиться. Сидите дома, делайте уроки. Сяньян, если что случится — зови дядю Цзяня из соседнего дома. Присмотришь за мастерской. Если кто придет за покупками — возмешь деньги.

В этой захудалой автомастерской, помимо ремонта, торговали всякой мелочевкой, а в углу стоял холодильник, доверху забитый мороженым.

Тун Хуайцин сделал вид, что ослышался.

— Ладно, идите, — Чи Е снова откуда-то выудил и зажал в зубах виноградный усик. — Вечером пойдем на речку, рыбу ловить.

«Нужны мне твои рыбы».

Осень все же вступала в свои права. Несмотря на душный зной, к полудню поднялся легкий ветерок. В кронах павловний зашуршала листва. Тун Хуайцин сидел в мастерской, подперев щеку ладонью, и сладко зевнул.

Скука смертная.

И все же он пришел посидеть тут, просто чтобы хоть как-то убить время.

В первые дни болезни он ничего вокруг не замечал, но, едва он оправился, Чи Е притащил его в свою мастерскую. Настроения не было, Хуайцин пребывал в состоянии тихого уныния. Ему не хотелось смотреть, чем занимается этот неотёсанный тип, да и атмосфера здесь была под стать хозяину — сплошная грязь, технические запахи и кустарщина.

Помещение занимало два бокса. Внутри царил рабочий беспорядок: ключи, пассатижи, гайки да тиски. Впрочем, пол был подметен начисто. У входа в два яруса громоздились старые шины, а рядом прижился куст родовой розы — весь в пышных алых бутонах, смотревшихся по-деревенски ярко и незамысловато на фоне чахлых листьев.

Вентилятор на стене гудел на максимальной скорости. Под его мерный гул Хуайцин снова зевнул.

А открыв глаза, обнаружил перед собой две задорные косички.

И щелястую детскую улыбку.

— Хи-хи, — Чи Ино навалилась на стол и шепотом выдала: — А мой второй брат заснул...

Можно было и не шептаться — на таком расстоянии Сяньян не услышал бы ее, даже если бы она заорала во весь голос.

— Брат Тунтун, пошли на улицу Чуньшуй! Походим, посмотрим!

Глазенки девчушки горели:

— У меня есть деньги! Я хочу купить браслет из ракушек и лак для ногтей. Пошли со мной, а я угощу тебя фруктовым льдом!

Тун Хуайцин на автопилоте качнул головой.

— Ну пожалуйста, пожалуйста! — Ноно молитвенно сложила ладошки. — Старший брат такой злой... Мы всего на часик, ладно?

Ей нужен был лишь один час свободы.

Хуайцин замешкался, но так и не ответил согласием. Девчушка заметно сникла и пробормотала:

— Ну и ладно, я сама пойду.

До улицы Чуньшуй было неблизко, и ей, конечно, было страшно. Насупившись, она сделала пару шагов к выходу, но, едва подбежала к раскидистой павловнии, как позади с грохотом опустилась металлическая роллета.

Обернувшись, она увидела, что Тун Хуайцин даже не нагнулся — он просто ловко опустил засов ногой. В такой неудобной позе он все равно ухитрился выглядеть непринужденно и изящно.

— Брат Тунтун! — Чи Ино чуть не разрыдалась от счастья. — Ты самый лучший!

Около двух часов дня они шли в тени деревьев. Ноно держала Хуайцина за руку и без остановки тараторила:

— Брат, а ручки у тебя такие холодные.

Тун Хуайцин не привык ходить с кем-то за руку, но, видя, как густеет толпа на улице, сам сжал маленькую ладошку покрепче.

Дороги он не знал, поэтому просто позволил девочке вести себя. Вокруг становилось все больше уличных торговцев с тележками, нарастали гудки автомобилей, в поток машин бессмысленно вклинивались красные трициклы. У обочины, опираясь на мотоциклы, хохотала местная молодежь: парковщики и шпана с крашеными желтыми шевелюрами, в обтягивающих майках, джинсах с заниженной талией и на толстой подошве, с сигаретами в зубах. Девушки красовались с модным химическим выпрямлением волос, густые челки закрывали им глаза, оставляя видимыми только пухлые крашенные губы.

— Тут совсем близко вокзал, — шепнула Чи Ино. — Всегда очень шумно.

Тун Хуайцин прошел мимо этой компании, не повернув головы, только чуть плотнее прижал Ноно к себе.

Неудивительно, что девочке требовался попутчик. Вид местных «модников» внушал ребенку

подсознательный страх, да и близость вокзала сказывалась: место кишело самым разным сбродом, ходили слухи о грабителях на мопедах, срывающих с женщин золотые серьги, и о похитителях детей. Для Чи Ино эта яркая улица Чуньшуй была словно блестящая шоколадная монетка — безумно желанная, но недостижимая, ведь строгий брат держал ее под замком.

Хочется, да боязно.

Миновав Т-образный перекресток, они наконец оказались на улице Чуньшуй. По обеим сторонам тянулись псевдотрадиционные фасады, а проезжая часть кишела лоточниками. Ноно потянула Хуайцина сквозь толпу. В этот субботний день напор людей был огромным. Розовые шторы из бусин у входа в лавку со звоном раздвигались и смыкались.

Ноно заворуженно пискнула:

— Вот оно! Браслетики из ракушек!

Тун Хуайцин совершенно не разбирался в модных увлечениях младшеклассниц. Он лишь окинул взглядом тесный магазинчик, набитый девчонками в пестрых заколках, увлеченно выбирающими помаду.

Толкучку он терпеть не мог, поэтому бесшумно отступил в сторону, встав там, откуда мог видеть Ноно, не привлекая к себе лишнего внимания.

Стеллаж неподалеку пустовал. Пока Ноно копалась в товарах, к витрине подошла девушка с яркими синими тенями на веках. Вскинув глаза, она заметила Тун Хуайцина, густо покраснела и поспешно сбежала.

От нечего делать Хуайцин наконец перевел взгляд на обделенные вниманием полки.

Здесь, словно намеренно спрятанные от чужих глаз, на черном бархате хаотично лежали красные шнурки с простыми амулетами: яшмовыми бусинами, гладкими плашками с иероглифами и старинными монетами. Смотрелось довольно мило.

Шнурки на талию.

У Хуайцина в консерватории был один суеверный старшекурсник, таскавший такую нить «на богатство». А на выступлениях танцовщицы восточных танцев задорно кружились, и серебряные цепочки на их бедрах со звоном звякали в такт. К тому же красный цвет отгонял злых духов — так что носить подобную вещицу считалось обычным делом.

Впрочем, сам он украшений не носил, поэтому безучастно отвел взгляд.

— Выбираешь что-то? — раздался рядом еле слышимый голосок. К нему прилип коренастый мужичок с золотым зубом. — Для себя?

Тун Хуайцин лишь обдал его ледяным молчанием и снова перевел взгляд на Ноно.

Но тот не отступал, открыто и сально разглядывая его с ног до головы.

Громко сглотнув, мужчина наклонился ближе и прошептал:

— Ты... из этих, да? По вызову?

<http://bllate.org/book/19966/1985756>